

СУЩНОСТЬ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ, ЕЕ ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ И ПРИНЦИПЫ

2.1. Сущность, цели и задачи семейной политики

Переход к новому историческому типу семьи означает кардинальные перемены в образе жизни семей, их потребностях, характере взаимодействия с внешним миром, строе внутрисемейных отношений, положении в семье отдельных ее членов, семейной морали и т.д. и, в конечном счете, приводит к фундаментальным сдвигам в системе взаимодействия по всей цепочке личность-семья-общество.

С одной стороны, по мере того, как между членами семьи ослабевают связи, диктуемые экономической или демографической необходимостью, укрепляются некогда менее важные связи, основанные на психологическом взаимодействии, на чувстве, на аффективной привязанности. Семья сжимается до небольшой группы людей, объединяемых именно такими отношениями (супруги, родители и дети), ее внутренняя жизнь становится более автономной, более личностной, интимной, нетерпимой к вмешательству со стороны. Ослабление давления экономической и демографической необходимости, включение семьи и ее членов в гораздо более развитое разделение труда и более сложную систему общественных связей расширяет для каждого возможности экономического, демографического, эмоционального выбора, социальную, территориальную, образовательную, профессиональную, жилищную, брачную, ролевую, все другие виды мобильности. При этом возрастает в огромной степени ценность суверенитета семьи и свободного выбора индивидуального жизненного пути, идет ли речь о профессиональной карьере, брачном партнере, числе детей, стиле жизни или о чем-либо другом.

С другой стороны, в результате тех же перемен, наряду с автономизацией внутренней жизни семьи как одним из главных направлений ее развития четко прослеживается и ее все более тесное включение в систему новых общественных связей. Семья утрачивает свою экономическую самодостаточность, делегирует внесемейным институтам значительную часть своих функций по воспитанию детей, охране и восстановлению здоровья своих членов, их социальному обеспечению и в результате становится все более зависимой от них. Это и порождает необходимость в семейной политике как способе организовать и координировать деятельность социальных институтов, обеспечивающую взаимодействие семьи и общества на всех направлениях функционирования семьи.

Стало быть, семейная политика — это совокупность целенаправленных воздействий на существующие в обществе отношения по поводу семьи и социальные институты, влияющие на ее функционирование.

Когда речь идет о целенаправленном воздействии, сразу же возникает вопрос о целях. В наиболее общем виде цели семейной политики могут быть определены как *обеспечение наиболее благоприятных социальных, экономических, нравственных условий свободного развития каждой семьи, наилучшего выполнения ею своих основополагающих функций.*

Объект семейной политики — сама семья, а также другие социальные институты и общественные подсистемы (например, экономическая), функционирование которых непосредственно влияет на жизнедеятельность семьи.

В качестве субъекта семейной политики могут выступать государство и его органы, различные общественные организации и социальные институты (партии, профсоюзы, церковь и т.д.), отражающие интересы и воззрения различных групп и слоев населения.

Было бы, видимо, неверно, понимать семейную политику чересчур прямолинейно как однонаправленное воздействие "субъекта" на "объект". Отношения здесь намного более сложные, и окончательный выбор "наилучшего" варианта развития должен быть, вероятно, оставлен за главным объектом политики — за семьей. Конечно, интересы самих семей, особенно находящихся на переходных стадиях развития, могут быть достаточно противоречивыми, неопределенными. Семья может стоять на перепутье. Что лучше для нее: чтобы мать оставалась домашней хозяйкой и сама воспитывала детей, скажем, до достижения ими школьного возраста? Чтобы она пошла на работу, поручив домашнее хозяйство и воспитание детей оплачиваемой домашней работнице, няне? Чтобы пошла на работу, прибегнув к услугам системы общественного воспитания детей? Любой из этих вариантов имеет свои плюсы и минусы. Располагая инструментами политики, можно "подсказать", и даже навязать семье то или иное решение, ссылаясь при этом на высшие интересы общества. Где, однако, гарантия, что субъект политики правильно отражает эти интересы? Правильно их понимает? По-видимому, именно в интересах общества, следует в принципе отказаться от давления на семью и ориентироваться на то, чтобы сделать все имеющиеся возможности равно доступными, предоставив семьям самим делать окончательный выбор.

Нельзя, однако, не видеть, что для практической деятельности таких общих формулировок недостаточно. Что именно надо делать, чтобы обеспечить семьям максимально возможный выбор? Где ограничивающие этот выбор наиболее "узкие места", которые надо "расширить" в первую очередь? В какой последовательности надо действовать, учитывая неизбежную ограниченность ресурсов и невозможность решить все вопросы сразу? Сформулированные в общем виде

цели немедленно требуют дальнейшей детализации, превращения их в конкретные, параллельно или последовательно решаемые задачи.

При их постановке необходимо учитывать объективные тенденции развития института семьи, специфические особенности этого развития в разных регионах и у разных народов СССР, субъективные оценки происходящих процессов, их отражение в массовом сознании, ресурсные возможности общества и множество других факторов.

Далеко не одинаковые условия могут оказаться "благоприятными" для семей, находящихся на разных стадиях исторического развития института семьи и даже на разных стадиях ее индивидуального жизненного цикла. Например, "узким местом", препятствующим развитию планирования семьи, для одних семей служит низкая культура контрацепции и ограниченная доступность ее современных средств, а для других — сохранение традиционных культурных ценностей и норм прокреативного поведения. Стало быть, создания тех условий, которые будут благоприятствовать развитию планирования семьи в первом случае, окажется недостаточно во втором, неодинаковыми поэтому должны быть и первоочередные задачи политики. Более того, может даже оказаться — и это не такая уж редкая ситуация — что интересы разных семей требуют противоположных по своей направленности мер политики. Например, в одних случаях может ощущаться явный недостаток возможностей для внесемейной экономической активности членов семьи, в частности женщин, и для внесемейного воспитания детей (нехватка детских учреждений и пр.), в других — перегрузка членов семей (опять-таки в первую очередь женщин) внесемейной деятельностью, трудности, связанные с организацией семейного воспитания подрастающего поколения. Конкретные задачи политики здесь опять-таки будут разными.

2.2. Семейная, социальная, демографическая политика

Общеизвестно, что семья сегодня сталкивается с рядом очень серьезных проблем. Часть из них нельзя считать специфически семейными. Хотя они и проявляются в семье, в них отражаются какие-то более общие трудности, свойственные всему нашему обществу на нынешнем этапе его развития. Скажем, многие экономические неурядицы нашей семейной жизни — лишь следствие слабости экономики, ее низкой эффективности, слишком высокой доли фонда накопления в национальном доходе, несовершенства распределительных отношений и т.п. Для преодоления этих недостатков нужна не семейная, а общая социальная и экономическая политика, и если она будет успешной, то от этого выиграет и семья.

Есть, однако, другая группа семейных проблем, которые могут оставаться нерешенными даже и при весьма успешном общем экономическом и социальном развитии, если им не будет уделено специальное внимание. Это проблемы, связанные с внутренними переменами, переживаемыми семьей в связи с изменением ее исторического типа, с новым характером ее взаимоотношений с обществом. Если эти про-

блемы не выявлены и не осмыслены, семья может оказаться в состоянии кризиса даже в самом богатом и внешне процветающем обществе. Существование этих проблем и делает необходимой семейную политику как особую область, особое направление всей социальной политики. Ее смысл заключается в том, чтобы содействовать пониманию и признанию обществом глубинных интересов меняющейся семьи как части своих собственных перемен, поискам нового равновесия между личностью, семьей и обществом.

Таким образом, семейная политика — это составная часть социальной политики, отстаивающая специфические интересы семьи как одного из многих взаимодействующих между собой институтов и специфические интересы человека как носителя семейных ролей, которые он выполняет наряду с другими социальными ролями. Добавим, что без проведения очевидной для всех семейной политики, без ее гласного обсуждения невозможно прийти к правильному пониманию этих специфических интересов.

Впрочем, вопрос об осмыслении *differentia specifica* семейной политики, о вычленении ее области внутри всей широко понимаемой социальной политики, едва ли можно считать до конца решенным. Ее можно понимать как относительно узкую сферу воздействия на распространение тех или иных типов и моделей семьи, форм семейного поведения. Возможна и более широкая трактовка, включающая в сферу компетенции семейной политики всю деятельность, непосредственно направленную на изменение или сохранение условий жизни семей, повышение их благосостояния и улучшение социального самочувствия, нейтральную по отношению к конкретным типам и моделям семьи или формам семейного поведения. Наконец, можно раздвинуть границы области семейной политики еще шире, и считать ее ответственной за побочные последствия всех решений, которые принимаются в различных сферах социальной жизни (в экономике, политике и пр.), не направлены специально на семью, но вольно или невольно оказывают на нее влияние.

В то же время можно рассматривать все эти трактовки не как рядоположенные, а как обозначения последовательных этапов развития семейной политики от кажущихся очевидными простых и фрагментарных форм воздействия общества на функционирование института семьи к более зрелым и всеохватывающим его формам.

Нередко возникает вопрос и о соотношении семейной и демографической политик. Они связаны друг с другом, но, конечно, не тождественны. Демографическая политика — тоже составная часть социальной политики, она отстаивает интересы одной из важнейших функциональных подсистем общества. Но она выделена по иному, нежели семейная политика, основанию: по функции, а не по объекту. Выделение демографической политики, определение ее целей и т.п. имеет важное значение, помогает обществу осознать круг специфических задач, связанных с его демографическим функционированием.

Однако при переходе к практическим действиям проведение такой политики оказывается затруднительным, если не невозможным. В большом арсенале мер демографической — по названию — политики практически невозможно найти такие, которые хотя бы частично не вторгались в другие сферы социальной политики, не переплетались бы с ними и даже не отодвигали бы собственно демографическую сферу на второй план. В подавляющем большинстве случаев и цели, и результаты того, что называют "демографической политикой", имеют комплексный характер, так что политика на деле оказывается не демографической, а многоцелевой.

Но такая политика должна иметь комплексные, полифункциональные объекты. В качестве одного из наиболее естественных объектов комплексной политики, органически включающего в себя и демографический компонент (хотя и не покрывающего всю демографическую сферу), выступает семья. Одна из ее функций — демографическая. В то же время у семьи есть и другие очень важные функции, делающие ее объектом социальной политики: забота о здоровье членов семьи, социализация детей, иждивение нетрудоспособных, организация потребления и т.д.

Разные направления социальной политики сходятся в семье, но из-за того, что последняя не рассматривается как целостный объект, они обычно слабо согласованы между собой, плохо учитывают специфику функционирования и развития семьи, этапы ее жизненного цикла, а потому часто оказываются неэффективными. Сейчас подобная ситуация все лучше осознается специалистами многих стран. Выработывается новый подход, в котором получает отражение общая тенденция большей интеграции демографической и социальной политики. Сохраняя и развивая представления о демографической политике как о важной макросоциальной категории, при переходе на микроуровень (где она получает реальное воплощение и где формулируются конкретные практические задачи) в центр внимания все чаще ставят семейную политику. В качестве иллюстрации такого подхода приведем высказывание чехословацких специалистов. "Необходимо выработать новый взгляд на современную систему заботы о семье и детях..., осмыслить это направление социальной политики как относительно самостоятельную область *семейной политики*, что означало бы и принципиальное обновление современной демографической политики. На демографическое развитие можно влиять прежде всего через семейную политику" [25, с.30].

2.3. Суверенитет семьи и семейная политика

Мы уже видели, что на протяжении длительного времени исторической эволюции института семьи и его взаимоотношений с обществом явственно прослеживаются две параллельные тенденции: растут ценность и значение *суверенитета семьи* и одновременно повышается роль *семейной политики*.

Семейная политика, однако, всегда — воздействие социальных институтов на семью, а такое воздействие почти неизбежно сопряжено с опасностью посягательства на ее суверенитет. Иными словами, обе указанные тенденции — повышение ценности суверенитета семьи и роли семейной политики, — хотя они и обусловлены одними и теми же процессами социально-исторического развития, изначально находятся в определенном противоречии друг с другом. Полное устранение этого противоречия, скорее всего, невозможно, речь может идти лишь о достижении приемлемого компромисса между требованиями, вытекающими из той и другой тенденций. Реальное развитие, по-видимому, и идет по пути поисков такого компромисса.

История XX в. знает немало примеров того, как государство, церковь, другие институты выражали свою волю, воздействуя или пытаясь воздействовать непосредственно на поведение людей в семейной жизни либо на их "семейную идеологию" (здесь нет принципиальной разницы). В основе подобного образа действий всегда лежит представление о существовании "более предпочтительных" и "менее предпочтительных" с точки зрения коллективных интересов типов и форм семьи и семейного поведения, что и оправдывает вмешательство государства или других социальных институтов в дела семьи в интересах общества или его отдельных групп.

Формы такого вмешательства могут существенно различаться. Среди них есть прямые репрессивные, запретительные меры, различные способы давления на человека и семью с целью ограничить свободу выбора и принятия решений: запрет либо моральное осуждение аборта или развода, производства, продажи или применения противозачаточных средств, дискриминация внебрачных детей или незарегистрированных браков, неприятие религиозно или этнически смешанных браков и т.п.

Хотя ни одно общество до сих пор не избавилось от подобных форм давления на семью и такое давление все еще имеет своих сторонников, негативное отношение к нему усиливается. Постепенно "репрессивная" идеология семейной политики уступает место идеологии "стимулирующих" мер, политика кнута уступает место политике пряника. Но идея социальной неравноценности типов семьи и форм семейного поведения при этом сохраняется. Типичным примером "стимулирующего" подхода может служить пронаталистская политика некоторых европейских государств, которые, отдавая явное предпочтение семьям с тем или иным числом детей (например, трехдетным), создают для них материальные, правовые и другие льготы, надеясь тем самым поощрить людей создавать именно такие семьи. Давление на семью имеет в этом случае более мягкие формы, но оно, конечно, сохраняется. Льготы по отношению к одним типам семьи или формам семейного поведения нередко оборачиваются дискриминацией других их типов и форм, например создают обстановку материального или морального

дискомфорта для бездетных, однопородных или, напротив, многодетных семей.

Постепенно накапливался опыт, который показывал, что семья умеет защищать свой суверенитет и что меры, игнорирующие внутренние побуждения семьи, оказываются малоэффективными. Соответственно меняется и идеология семейной политики, она все более переориентируется на социальные, "качественные" цели. Такая политика ничего не запрещает и ничего не стимулирует, ее меры нейтральны по отношению к типу семьи или формам семейного поведения. Скажем, если стимулирующая про- или антинаталистская политика предполагает зависимость величины семейных пособий от числа детей или очередности их рождения, то нейтральная политика такую связь отвергает. По замыслу, нейтральной по отношению к типу семьи (в нашем примере не про- и не антинаталистской) оказывается и политика, меры которой увязываются не с числом детей, а с каким-либо другим критерием, предположим, с благосостоянием семьи. Поддерживающие такую политику демографы часто не отказываются от своих целей (повышения рождаемости, если говорить о европейских условиях). Они предполагают, что если в результате мер демографически нейтральной политики экономическое и социальное самочувствие семьи будет хорошим, то собственно демографические проблемы решатся сами собой.

Доведенная до логического предела идея нейтральности семейной политики означает, что право на существование имеют только такие ее меры, которые никак не затрагивают суверенитета семьи. Насколько реально такое требование?

Даже в тех относительно простых случаях, о которых шла речь выше, нейтральность нередко может оказаться только кажущейся. Например, оказывая экономическую помощь малоимущим семьям безотносительно к числу детей в них, можно тем самым поощрить многодетность, ибо благосостояние семьи само сильно зависит от числа детей. Такую сомнительную нейтральность часто можно наблюдать и при проведении других мер, селективных не по критерию большей или меньшей предпочтительности типа семьи. Скажем, льготы для матерей-одиночек отнюдь не отражают предпочтения, отдаваемого субъектом политики этой форме семьи, а преследуют чисто социальные цели. Но если такие льготы становятся значительными, они утрачивают свою нейтральность, способствуют росту числа нерегистрируемых браков и другим "семейным" последствиям, которые вовсе не имелись в виду при введении льгот.

Уже эти примеры показывают, что проблема нейтральности семейной политики не так проста, как кажется. То, что нейтрально по одному критерию, совсем не нейтрально по другому, а учесть все критерии при проведении семейной политики, меры которой должны быть все-таки достаточно простыми, заведомо невозможно. Еще более важное обстоя-

ятельство заключается в том, что коллективные интересы реально существуют и они эмерджентны, т.е. не тождественны сумме интересов отдельных семей. Они объективно ограничивают суверенитет семьи, а значит делают невозможной абсолютно нейтральную семейную политику. Движение к ее большей нейтральности в действительности может означать лишь углубление компромисса между интересами множества семей и интересами социальных общностей, от имени которых проводится политика.

2.4. Принципы семейной политики

Нахождение такого компромисса в каждом конкретном случае и составляет главную задачу тех, кто разрабатывает и предлагает те или иные меры семейной политики. Никакие универсальные рецепты здесь невозможны. Но можно попытаться сформулировать некоторые критерии семейной политики, ее общие принципы, соблюдение которых позволяет исключить заведомо неприемлемые решения и облегчить нахождение необходимого компромисса. Назовем важнейшие из этих принципов.

Принцип суверенитета семьи. При проведении семейной политики необходимо, по возможности, минимизировать чье бы то ни было вмешательство в дела семьи. Ссылки на "интересы общества" не могут служить основанием для навязывания семьям того или иного образа действий или типа семейного поведения. Разумеется, это требование нельзя доводить до абсурда, имеются общепринятые правовые и моральные нормы, которые общество охраняет. Однако, как уже отмечалось, сейчас существует гораздо больший, чем в прошлом, набор общественно признанных альтернативных моделей семьи и семейных биографий. Любые попытки законодателя, общественного мнения, любых "третьих лиц", включая даже близких родственников, как-то повлиять на поведение семей, запретить или ограничить свободу аборт или развода, побудить семью к многодетности или, напротив, к ограничению числа детей, дискриминировать незарегистрированные браки или "незаконнорожденных" детей не соответствуют исторической тенденции развития семьи, способны вызвать только болезненную реакцию в обществе и, в конечном счете, обречены на провал.

Принцип суверенитета личности. Подобно тому, как семейная политика должна как можно меньше вмешиваться в дела семьи, апеллируя к интересам общества, так она должна минимизировать меры влияния на поведение членов семьи, оправдываемые интересами семьи как целого. Историческое развитие ведет к повышению ценности личного начала по сравнению с ролевым, и семья может успешно развиваться, только если эти изменения получают общественное признание. Поэтому недопустимы никакие явные или замаскированные меры политики, ограничивающие свободу волеизъявления одних членов семьи в пользу других, искусственно консервирующие тради-

ционное распределение семейных ролей, отжившие или отживающие стереотипы женского, мужского и детского поведения.

Принцип расширения свободы выбора. Суверенитет семьи реализуется в свободном выборе. Даже самые щедрые, самые популярные меры семейной политики угрожают этому суверенитету, если подталкивают большинство семей к одному решению, а не увеличивает число степеней их свободы. Принцип расширения свободы выбора задает, по существу, главный критерий оценки предлагаемых и реализуемых мер политики. Любая мера хороша или плоха прежде всего не своим конкретным содержанием (большая или меньшая величина пособия, более или менее продолжительный материнский отпуск и т.д.), а тем, расширяет она круг вариантов равноценного выбора или нет. Можно, к примеру, выплачивать большие пособия неработающим матерям и тем способствовать сохранению традиционной семейной роли женщины, а можно пойти по пути развития общественного воспитания детей на весьма выгодных для родителей условиях и тем побудить женщину к ускоренному освоению внесемейных ролей. Каждая из этих мер может быть очень хорошей, пользоваться популярностью, но наибольший социальный эффект достигается тогда, когда эти и подобные меры развиваются параллельно и конкурентно, создавая все новые возможности выбора.

Принцип опоры на собственные силы. Суверенитет семьи несовместим с социальным, а тем более государственным патернализмом, которым нередко пронизаны меры семейной политики. В нормальных условиях семья должна сама нести преобладающую долю ответственности за свою судьбу, благосостояние, за содержание и воспитание детей, поддержку престарелых, внутрисемейный климат — только тогда она может принимать свободные и независимые решения. Благополучие суверенной семьи должно быть результатом усилий ее членов, их труда. Соответственно и семейная политика должна быть направлена прежде всего на постоянное совершенствование условий реализации экономического и духовного потенциала семьи и каждого ее члена, их эффективного включения в общественное разделение труда, в систему коллективных усилий по увеличению богатства общества. Высшая цель такой политики — добиться, чтобы как можно большее число семей как можно меньше зависело от общественной благотворительности, как можно меньше нуждалось в разного рода пособиях, льготах, бесплатных услугах и т.п.

Принцип социальной защищенности семьи. Заботясь о способности семьи самой выполнять свои функции и нести ответственность за свое благополучие, семейная политика должна в то же время заботиться и о благополучии семей, которые, по тем или иным причинам, такой способностью не обладают или обладают в ограниченной мере. Это предполагает обеспечение всем семьям гарантированного, стандартного для каждой типичной семейной ситуации минимального уровня дохода, жилищных условий, социальных услуг, правовой защиты, сво-

бодного времени, других видов общественной поддержки. Чтобы этот принцип не вступал в противоречие с принципом опоры на собственные силы, круг получателей всех видов социальной помощи не должен быть чрезмерно широким, нужны достаточно жесткие критерии отбора. Но те, кто действительно нуждаются в помощи, должны получать ее в полной мере.

Принцип социального партнерства. Как показывает мировая практика, государство — наиболее вероятный и наиболее влиятельный субъект семейной политики. Важно, однако, чтобы оно не выступало в качестве монополиста, принимающего единоличные решения, и не брало на себя всю ответственность за судьбу семей, а делило ее с другими гражданскими институтами, со всеми гражданами. Вместе с ними оно должно участвовать в финансировании мер по социальной защите семей (такова мировая практика, но в СССР пока не так). На всех стадиях обсуждения и реализации семейной политики в целом и ее отдельных мероприятий государство должно сотрудничать с общественными организациями и движениями, светскими и религиозными, выражающими интересы и идеалы различных территориальных, национальных, социальных групп и слоев населения. Оно должно поощрять и поддерживать создание семейных, женских и тому подобных движений и ассоциаций, чья деятельность полностью или в значительной степени направлена на решение семейных проблем.

Принцип дифференцированности политики. Задачи и меры семейной политики всегда конкретны, вытекают из реальной ситуации в данное время и в данном месте. Любое общество неоднородно, необходимо, по возможности, считаться с этой неоднородностью, с экономическими, социальными, культурными и другими особенностями разных групп и слоев населения. Меры, кажущиеся естественными и приемлемыми в одной социальной среде, могут восприниматься как насилие и попрание суверенитета семьи — в другой. Отсюда необходимость дифференцированной по региональным, этническим или каким-либо другим признакам семейной политики, мер, учитывающих, насколько это возможно, разнообразие существующих социально-демографических ситуаций и моделей семьи.

2.5. Семейная политика и семейная идеология

Последний из названных принципов подводит к весьма сложному вопросу о том, как учитывать при проведении семейной политики не только различные для разных регионов и групп населения современные реальности, но и то, как они отражаются в общественном сознании, в том, что можно назвать "семейной идеологией".

В СССР эта идеология тесно связана с социальной и культурной маргинальностью десятков миллионов семей. Оторвавшись от традиционной культурно-нормативной базы, они не пришли еще к новой целостной системе социокультурных регуляторов семейных отношений и семейного поведения, испытывают тягостную раздвоенность, порой страдают просто от элементарной неподготовленности к суще-

ствованию в изменившейся социальной среде. Разные группы и слои советского, а еще раньше — российского общества оказались далеко не в равной степени подготовленными к охватившим семейную жизнь переменам. В результате сложился широкий спектр воззрений на семью и ее будущее, в котором нашли отражение как крайние, полярные позиции ("прогрессистская" и "консервативная"), так и множество компромиссных, промежуточных. Официальная идеология, многие десятилетия бывшая монополюсной, то приближалась к одной из двух крайностей, то пыталась балансировать в середине спектра, вмняя в обязанность всем придерживаться этой середины. Ни одна из этих позиций не была продуктивной, потому что сводилась к распространению на всех единого идеологического шаблона.

В 20-е годы на какое-то время возобладали ультрапрогрессистские взгляды на семью как на изживший себя рудимент прошлого. Это нашло отражение в правовых нормах. В прессе, научной и художественной литературе декларировались новые, более свободные отношения между мужчиной и женщиной, новые ценности, многие из которых сегодня рассматриваются как "ценности постматериализма", характерные для западных обществ конца XX в. (гедонизм, самореализация и пр.).

Возможно, уже тогда эти ценности были близки определенным слоям городского населения страны. Однако общество в целом, преимущественно сельское, не было готово к их восприятию, и очень скоро началось их отторжение. Маятник качнулся в противоположную сторону, и стали утверждаться и даже насильственно насаждаться весьма консервативные взгляды на семью и столь же консервативная практика регулирования семейных отношений (ограничения развода, запрет аборта, публичная оценка "морального облика", рассмотрение семейных конфликтов на партийных собраниях и т.п.).

Ультрапрогрессистские и консервативные воззрения на семью, при всех их различиях, имели и бесспорные точки соприкосновения: их сближало явное или неявное неприятие самооценности семьи, ее растущего суверенитета. Скажем, и для той, и для другой семейной идеологии характерно недоверие к семье как к социализирующему институту, им импонирует жесткий внешний контроль над воспитанием детей, доведенный то ли до полного его обобществления, то ли до неусыпного наблюдения за тем, как дети воспитываются в семье, со стороны всякого рода "общественности".

Сейчас многие из этих крайностей преодолены, но конфликт в общественном сознании сохраняется и в чем-то даже обостряется. Поляризация крайних типов семьи (на одном полюсе — модернизированная эгалитарная семья в крупных городах европейской части страны, на другом — патриархальная сельская семья в Средней Азии) и наличие большого числа ее промежуточных типов затрудняют, а может быть, делают и вовсе невозможным распространение одобряемого всеми образа семьи, идеала семейных отношений. Многообразие

свойственных разным этапам эволюции семьи проблем каждый раз требует своих особых подходов. При этом чем сложнее проблема, тем труднее достичь всеобщего согласия относительно этих подходов, выработать приемлемую для всех семейную политику.

Справедливости ради надо сказать, что речь идет не о каком-то специфически отечественном явлении. Происходящие с семьей исторические изменения, равно как и наблюдаемое многообразие моделей семейной жизни повсеместно воспринимаются представителями различных общественных групп и слоев неоднозначно, что неизбежно ведет к различным взглядам на цели, задачи и возможности семейной политики.

Например, несколько лет назад разработчики чехословацкой концепции семейной политики фиксировали три основных идеологических подхода к семье и ее будущему. В соответствии с первым из них, передавая свои основополагающие функции внесемейным институтам, семья утрачивает и свое былое положение в жизни общества и индивида, что ведет к освобождению человека, росту возможностей его самореализации и в то же время к более полному следованию общественным, коллективистским идеалам. В соответствии со вторым подходом, напротив, именно стабильная семья (в сущности, моногамная и нуклеарная) рассматривается как один из главных гарантов прочности общественного строя, развития гармоничной личности и здоровых межчеловеческих отношений. Наконец, в рамках третьего подхода признается закономерность эволюционных изменений семьи в прошлом и в будущем и появления ее альтернативных форм, отличных от доминирующего традиционного типа семьи, которые говорят не об исчезновении семьи, а о ее приспособлении к общественным переменам [25, с.2-3].

Различные семейные идеологии и ценностные системы, задающие ориентиры семейной политики, характерны и для западных стран. В частности, на Международном семинаре по семейной политике в Нотр-даме (США) в 1978 г. были названы четыре основные ценностные системы, определяющие семейную политику в Западной Европе и США.

1. Традиционная система ценностей лежит в основе такой политики, которая своим объектом имеет семью как целое и направлена на поддержание такого ее типа, который характеризуется предпочтением "скорее большой семьи, чем маленькой, скорее с главенством мужчины, чем эгалитарной, семьи с двумя родителями, состоящими в браке" [79, с.17]. Разумеется не в столь консервативной форме эта специфически фамилистская идеология была характерна в первую очередь для Франции и Бельгии, в меньшей степени — для Западной Германии.

2. Система ценностей, в основе которой лежит идея "распределительной справедливости", предполагает финансовую поддержку прежде всего семей, находящихся в неблагоприятных условиях: с низким доходом, с одним родителем, социально-маргинальных и пр. Такая

политика направлена не на поддержание определенного типа семьи (как в предыдущем случае), а на социальную компенсацию. Она существует в большинстве развитых демократий.

3. Выдвижение на первый план семьи в ее роли института социализации ведет к разработке комплекса мер, который направлен на защиту детей и предоставление им равных возможностей воспитания и образования. Стремление расширить социализирующие возможности семьи было особенно характерно в конце 70-х — начале 80-х годов для ФРГ.

4. "Новая социальная идеология", зародившаяся в конце 70-х годов, выдвинула на первый план ценность индивидуального развития. Это вызвало в ряде стран и соответствующие изменения в социальной политике. Семья перестала рассматриваться как устойчивое образование и хранитель традиций, а стала цениться в первую очередь за ее способность создавать новые отношения и ценности через "активное участие в социальных изменениях" [79, с.19]. С этой точки зрения семейная политика должна прежде всего учитывать вклад семьи в личностное развитие всех ее членов. Целью такой политики является "не поддержка какого-либо конкретного существующего или потенциального типа семьи ...а предоставление оптимальных возможностей для психосексуального и эмоционального благополучия и развития мужчин, женщин и детей" [79, с.20]. Наиболее привержены такой идеологии социальные политики Скандинавии. Так, в Швеции предпринимались особые усилия для развития равенства мужчин и женщин: оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком предоставляется любому из родителей; предприятия, нанимавшие женщин и предоставлявшие им возможность занимать ведущие позиции, получали государственные субсидии и гарантии. Одновременно велась активная пропаганда "мужской эмансипации", т.е. свободы для мужчин от стереотипа мужской семейной роли и возможности принятия ответственности за домашнее хозяйство, уход за детьми и их воспитание.

Таким образом, различные семейные идеологии и соответственно взгляды на то, к чему должна стремиться семейная политика, существуют не только у нас. Но социокультурная неоднородность общества в СССР намного больше, чем в любой другой развитой стране. Для нас, пожалуй, еще более, чем для Чехо-Словакии, характерно, что разные подходы к оценке процессов, идущих в семейной сфере, "служат источником более или менее воинствующих предрассудков, вместе с рядом модных мнений, опирающихся большей частью на отдельные и односторонние сведения..., входят в общественное сознание и формируют позиции отдельных лиц и социальных групп". Каждый такой подход "формирует свою относительно комплексную ценностную базу, из которой выводятся желаемые функции семьи, цели семейной политики и взгляды на явления дисфункции" [25, с.3].

Наличие разных подходов к задачам семейной политики затрудняет, конечно, единство действий и в значительной степени ограничивает

возможности проведения такой политики, снижает ее эффективность. Поэтому велико искушение отклонить все подходы, кроме какого-нибудь одного, провозгласить его "научным" и выстроить последовательную систему целей и мер политики, вытекающую из этого единственного подхода. Но ведь эффективность политики на деле зависит от того, насколько полно она учитывает все стороны социальной реальности. А различные идеологические походы, о которых шла речь, -- тоже элемент реальности, причем элемент очень важный, отражающий настроения, взгляды, систему ценностей тех людей, на поведение которых и пытаются воздействовать мерами семейной политики. Иными словами, с точки зрения проведения такой политики, субъективные оценки того, что происходит в семье и с семьей, не менее важны, чем сами объективные процессы, происходящие в семейной сфере.

Это, конечно, не значит, что не существует научных подходов определению целей и методов семейной политики и что они не могут быть более близкими к истине, чем "идеологии", формирующиеся в массовом сознании. Современное обществоведение располагает определенным научным аппаратом, делающим возможным более или менее надежный анализ и прогноз объективных социальных процессов и тенденций, так что, в принципе, у "научно обоснованной" политики больше шансов быть успешной и эффективной. Но все же этот аппарат пока не столь совершенен, как аппарат естественных наук, он не исключает полностью субъективизма исследователя, связанного с его личной идеологической позицией. Поэтому оппонирование со стороны других "семейных идеологий" может оказаться полезным и при научном анализе.

Но тем более это оппонирование важно при выработке практических мер семейной политики, которые не могут быть эффективными, если не опираются на поддержку всех основных общественных сил.

2.6. Семейная политика и общественное согласие

Существование различных, порой даже и противоположных взглядов на положение семьи, семейные идеалы, а значит, на цели и задачи семейной политики может привести к формированию непримиримых позиций и существенно затруднить проведение любой политики, сделать ее недейственной. Чтобы избежать такого тупикового развития событий, необходимо выработать механизмы согласования разных подходов и достижения общественного консенсуса. Обоснование и проведение семейной политики не должно быть, как прежде, монополией государства и государственной науки, в выработку ее стратегии должны включиться широкие общественные движения, выражающие интересы разных слоев и групп общества. Сейчас в СССР они только формируются, их взгляды на настоящее и будущее семьи, на место семейной политики во всей социальной политике нередко примитивны, а иногда и вообще отсутствуют. Однако, если демократический процесс в стране получит дальнейшее развитие, этот этап будет быстро

преодолен, все позиции будут четко выявлены, и станет возможной работа (очень непростая) по разработке и реализации единой стратегии семейной политики в той части спектра ее задач, где возможен консенсус, и, напротив, дифференцированных стратегий в тех случаях, когда нахождение компромисса окажется невозможным

Большого опыта взаимодействия различных общественных сил у нас в стране нет. Сейчас можно попытаться лишь в самом общем виде наметить основные институциональные группы, которые будут участвовать в таком взаимодействии: политические партии и общественные движения, специализированные общественные организации и фонды и, наконец, церковь.

Можно не сомневаться, что все политические партии и общественные движения, складывающиеся в стране, рано или поздно определяют свои позиции по основным вопросам, касающимся семьи, займут свое место в спектре возможных семейных идеологий — в соответствии со своими цветами политического спектра. Это означает, однако, что, по крайней мере, во многих случаях, партийные позиции смогут в большей или меньшей степени отражать действительные реальности семейной жизни, но в то же время будут находиться под сильным влиянием более общих политических соображений, окажутся окрашенными в прогрессистские, консервативные, популистские, националистические и тому подобные тона. Политические силы, находящиеся у власти, будут, как правило, оценивать реальную ситуацию как более благоприятную, чем она есть в действительности, тогда как оппозиционные силы, напротив, будут склонны к завышенной критичности в ее оценке. Должно пройти немало времени, пока острота первых противостояний ослабеет, но довольно существенные разногласия, видимо, будут существовать всегда. Поэтому очень важно, чтобы наряду с партиями или движениями, руководимыми преимущественно политическими интересами, борьбой за власть или влияние, существовали и авторитетные политически нейтральные организации, непосредственно выражающие семейные интересы граждан и тем самым охраняющие их от слишком сильного влияния партийных идеологий.

В качестве таких организаций могут выступать разного рода комитеты, союзы, объединения, фонды и т.п., создаваемые специально для решения каких-то общих или частных семейных или близких к ним проблем. Примерами таких организаций у нас могут служить Комитет советских женщин, Детский фонд, ассоциация "Семья и здоровье" и пр. В то же время это перечисление говорит о том, что общественных организаций, специально ориентирующихся на решение широкого круга семейных проблем, у нас нет. Между тем, практика многих стран указывает на важную роль подобных организаций, которые, решая порой частные и локальные задачи, в целом вносят заметный вклад в выработку и проведение в жизнь государственной семейной политики.

Для примера назовем Францию, где существует множество семейных ассоциаций самого разного происхождения — сельские, католические, родителей отсталых детей и т.п. На уровне департаментов они входят в департаментские союзы семейных ассоциаций, а на региональном уровне — в региональные союзы. Кроме того, с 1945 г. существует Национальный союз семейных ассоциаций. Национальный и департаментские союзы признаны государством как законные выразители интересов семей, их представители имеются в государственных структурах, принимающих решения по экономическим и социальным вопросам. Президент Национального союза семейных ассоциаций играет важную консультативную роль при принятии решений, затрагивающих интересы семей.

Семейные ассоциации и подобные им организации, отстаивая практические интересы семей самых разных типов, по характеру своей деятельности обычно деидеологизированы, часто сосредоточивают свои особые усилия на помощи маргинальным семьям, что предполагает широкую терпимость к самым разным вариантам организации семейной жизни и семейных отношений.

И, наконец, третья общественная сила, без участия которой нельзя ни выработать, ни проводить семейной политики, это церковь. В отличие от нарождающихся партий, все религии, как правило, имеют достаточно четкие позиции по вопросам, касающимся семейной жизни человека. Культура семейных отношений долгие века имела своей основой религиозное мировоззрение и нравственные пределы, им задаваемые. Начиная с какого-то момента возникла мощная нерелигиозная ветвь развития культуры, однако и она сохранила связь с материнским стволом и в принципе не отторгла многих нравственных норм, проповедуемых религией и регулирующих семейную жизнь людей. В этом смысле секуляризованное и религиозное сознание имеют немало точек соприкосновения, не противостоят друг другу, вполне могут сотрудничать и в выработке "идеального образа" семьи.

До сих пор такого сотрудничества у нас не было, церковь, по существу, была исключена из числа равноправных гражданских институтов. Ее влияние на семейную жизнь людей было сильно подорвано, что в немалой степени способствовало образованию культурного и нравственного вакуума и связанной с этим маргинализации семьи. Но потери понесла не только семья. Сама церковь, оказавшаяся в искусственной изоляции, вероятно, в какой-то мере оторвалась от массовой практики семейной жизни и может оказаться не готовой к восприятию и осмыслению необратимых перемен, переживаемых семьями. В то же время церковь, конечно, не утратила влияния на значительные группы населения и может эффективно поддерживать традиционные нормы и образцы семейной жизни там, где они сохраняют свою жизнеспособность.

Налаживание полноценного сотрудничества между церковью и другими гражданскими институтами, видимо, не будет простым. Не об-

легчает положения и многообразие религий, исповедуемых населением СССР, — ведь они тоже могут занимать разные позиции по одним и тем же вопросам, что отнюдь не упрощает достижения консенсуса. И тем не менее необходимо, чтобы церковь заняла свое место в качестве активного участника процесса определения приоритетов, установок общественного сознания, создания благоприятного климата для воспитания морального поколения в нравственно здоровой семье.

Это ставит много проблем как перед светскими властями, так и перед религиозными деятелями. За последнее время государство в СССР сделало немало шагов в направлении сотрудничества с церковью, однако еще больше предстоит сделать. Во всяком случае, до активного привлечения религиозных деятелей к разработке и проведению семейной политики дело пока не дошло, хотя ясно, что в некоторых регионах страны их неучастие в проведении такой политики способно обречь ее на полную неудачу. Нужны, конечно, и встречные шаги церкви. В целом, по-видимому, современная церковь к этому готова. Как отмечается в Мельбурнской декларации Всемирной конференции "Религия и мир" (1989 г.), она осознает свою "ответственность за благосостояние всех, особенно тех, кто лишен власти или маргинализован... Женщины и дети являются самыми уязвимыми группами в наших обществах... Мы создаем доверие, воспитывая самих себя и наших детей для мира и используя ненасильственные методы изменения и решения конфликтов. ...Религиозные общины и религиозные лидеры могут помочь в глобальном образовании, развивая позитивный опыт познания, связанный с людьми других культур и других религий... Они также могут моделировать образцы поведения, которые укрепляют добрые семейные отношения и предоставляют контекст для преобразующего социального поведения" [10, с. 43-49].